

Анар
писатель
азербайджанский

11/X-862

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

Сов. Республика 1986 - 11 окт. с. 3

Анар:

ПОРА НАДЕЖД

В размеренные дни нашей жизни бурно ворвалось Время. Казалось бы, странно говорить об этом — мы всегда существуем во времени. И все же есть время и Время. Время, как текучка, тягучая череда ровных дней, тихая, незаметная смена сезонов года, лет, десятилетий. И Время спрессованное, громкое, переломное. Сегодня Время стучится в двери наших домов и учреждений, стучится в наши сердца, как Судьба в бетховенской симфонии. Значительность времени определяется не количеством восторженных од, слагаемых в его честь, не словословиями о его исключительности, а реальными делами, конкретными событиями, поступками людей, его творящих...

Достижения социалистического общества естественны и закономерны. Для того и свершилась Октябрьская революция, чтобы осуществились эти достижения. Неестественны и незаконны негативные явления нашей жизни — дремучий бюрократизм, разлад между словом и делом, иначе говоря, лицемерие, а также потребительство, фарисейское табу на острый проблемный разговор, взяточничество, кумовство, протекционизм, ложь — все, что унижает достоинство человека, все, что противостоит нашей морали, правде и добру.

Бывают периоды, когда быть честным — отвага. Бывают также периоды, когда провозглашать свою приверженность правде становится просто практической необходимостью. Легко и даже выгодно быть смелым во времена, когда смелость активно поощряется, но порядочнее ли иной сегодняшний «правдолюбец» того, который вчера молчал, дабы не говорить неправду. Нельзя допустить, чтобы демагогия эйфорического благодушия сменилась демагогией злопыхательства, прагматического соревнования в критиканстве. Злопыхательство, всеотрицание по существу также бесплодны, как и телачий восторг по поводу и без повода. Исцеление от той и другой разновидности общественной демагогии — в социальной и нравственной трезвости.

Нельзя, чтобы шустрые люди, способные к быстрой социальной мимикрии, пристраивались сегодня к правде так же псевдоубежденно, как вчера принарамливались к тезису о необходимости украшения жизни. (Конечно, они декларировали это не так упрощенно, они надеялись правду различными эпитетами, низводящими ее до нуля, они многозначительно намекали на «сор из избы», убеждали, что не стоит говорить о зле, когда есть добро).

Не бесплодной идеей сведения счетов должны руководствоваться мы сегодня в своей работе во имя будущего, но тем более не забывчивостью. Правда литературы и искусства должна утверждаться делом — трезвыми, честными произведениями, не впадающими ни в пафос бездумных восхвалений, ни в соблазн мелко-травчатого эпатажа. И главное, не следует забывать, что действительность творчества немыслима без высокой меры ее художественного воздействия. Литература и искусство не юриспруденция, которая может ограничивать себя формулой: правда, и ничего, кроме правды. Правда жизни, чтобы стать правдой художественной, должна быть прежде всего эстетически убедительной, то есть обладать эмоциональной силой, яркой образностью, красотой и совершенством формы. И нельзя весь спектр человеческой личности, всю глубину душевных проявлений сводить к определенным, пусть и очень верным и нужным постулатам. Радуюсь первым успехам молодой советской литературы, большой друг нашей страны Ромен Роллан отмечал и то, что, по его мнению, в этой литературе было тогда еще недостаточно разработанным, а именно «обширные области внутренней жизни».

Мне кажется, что эта мысль доброжелателя нашей литературы сегодня звучит особенно своевременно.

Радует и все же несколько озадачивает жесткость и хмурость даже лучших образцов нашей современной прозы. Я прекрасно понимаю, что эта своего рода угрюмость выстрадана опытом прошедших десятилетий, проблемами, которые годами не замечались или замалчивались, немой, болью. И все же жизнь шире любых обстоятельств, любых ее отдельно взятых проблем — и в этом ее богатство, неистребимость, надежда. В неистеричном и всегда живом наследии русской литературы не только суровый гений Достоевского, но и лучезарная муза Пушкина и всеохватная широта Толстого. В ис-

кусстве нашем наряду с разящим сарказмом Салтыкова-Щедрина и Джалила Мамедкулизаде, страдальческим смехом Гоголя должна быть и светлая печаль Чехова, и добрая улыбка Шукшина. Тот же Достоевский, переживший ад каторги и то состояние, которое по современной моде на потустороннюю мистику можно было бы назвать пороком небытия — «клинической смертью», сказал, что мир спасет красота. Наверное, под красотой он понимал очень многое, не исключая и улыбку.

Не только правды не хватало порой в наших книгах, но и доброжелательности, отзывчивости, чуткости к людям, роскоши понимания, да и обычной простодушной, чистосердечной улыбки. Не надо противопоставлять одно другому: суровое, бескомпромиссное неприятие определенных явлений действительности — радостному приятию жизни как блага и счастья в конечном счете. Так же, как не надо противопоставлять «почвенников» — «интеллектуалам», деревенскую прозу — городской поэзии, постижение исконной правды народной жизни — интересу к глубинам психологического мира отдельной личности. Или заботу об охране природы — желанию сохранить культурные ценности. Разве художника не должно волновать и то, и это? Разве, горюя о безжалостно вырубленных в Азербайджане вековых лесах для увеличения посевных хлопковых полей, я не могу страдать из-за судьбы нераставируемого и находящегося в постоянной опасности окончательной гибели уникального историко-архитектурного комплекса Карабаглар в Нахичеванской АССР? Меня тревожит и отравление наших полей ядохимикатами, и наши учебники для средних школ, корявые вирши и неуклюжие, маловразумительные тексты которых калечат словосочетание детей на раннем этапе духовного развития. Гражданскую озабоченность могут вызвать и частые перебои со снабжением водой Баку, и горестные думы по поводу загрязнения Каспия, и тот факт, что в Баку до сих пор не открыт мемориальный музей великого азербайджанского драматурга и поэта Гусейна Джавада, хотя решение о создании этого музея принято несколько лет назад.

Кстати, о музеях. На VIII съезде писателей академик Д. С. Лихачев убедительно говорил о необходимости создания литературных музеев в разных местах нашей страны — очень важных и действенных очагов культуры в воспитании молодежи. Думать о том, что у нас много или слишком много литературных музеев, нельзя, подчеркивал академик, у нас не музейный бум, а музейный голод.

Когда в нашей республике поднимается вопрос о создании новых музеев выдающихся деятелей литературы, искусства, науки, следует сослаться на какие-то инструкции, указания, на существующие якобы строгие ограничения в этом деле. И еще приводится довольно-таки убедительный довод: даже уже существующие наши музеи не могут работать нормально.

Это на самом деле так. Театральный музей, Музей музыкального искусства и некоторые другие существуют у нас лишь формально. То есть существует все — штатное расписание, сотрудники, фонды, планы, но никто и никогда не видел экспозиций, к чему, собственно, и должно сводиться назначение музеев. Можно ли представить, простите за сравнение, столовую или ресторан, которые имели бы штатных поваров, обслуживающий персонал, запасы продовольствия, кухню, склады, но были бы закрыты для посетителей? Причина? Отсутствие помещения... А разве нельзя, отреставрировав здание в Ичери-шехер — старой части Баку, разместить там (нет, не ресторан, конечно, с ресторанами как раз все в порядке — быстро находится для них приют) Театральный музей, который вскоре отметит полувековую юбилей своего существования на бумаге?

Или вопрос об увековечении памяти великого азербайджанского писателя-демократа Джалила Мамедкулизаде, основателя сатирического журнала «Молла Насреддин». (Кстати, в этом году исполнилось 80-летие основания журнала и 120-летие самого писателя). С чем мы пришли к этим знаменательным датам? С неприведенной в порядок могилой замечательного классика. С неосуществленной мечтой открытия мемориального музея в селении Неграм, в школе, где он преподавал. И с музеем в Баку, который пока радует только сотрудни-

Известный азербайджанский прозаик Анар размышляет о том, что значительность нашего времени определяется не суетливостью, не количеством восторженных од, а реальными делами.

ков. Хотя, казалось бы, тут все должно быть в порядке — есть помещение, сохранилось и собрано много материалов, есть штат сотрудников. Каждый день они приходят на работу, пьют чай, беседуют, собирают вырезки из газет. Но когда же музей состоится, откроется для посетителей? Неизвестно. Горько писать об этом. Предвижу возражения — почему же я не говорю о том, что только в последние годы в Баку были открыты музеи Узеира Гаджибекова, Джафара Джабарлы, Самеда Вургуня, Бюль-Бюля? Правильно. Открыты эти музеи. Это прекрасно. Так и должно быть. Я же говорю о том, как быть не должно.

За последние годы наша музыка понесла невосполнимые потери — ушли из жизни Кара-Караев, Фикрет Амиров, Ниязи, крупнейший знаток и исполнитель мугамов тарист Вахрам Мансуров. От каждого из них, помимо большого творческого наследия, остался богатейший архив с ценнейшими рукописями, документами, письмами, фотографиями, книгами — все эти экспонаты могли бы стать гордостью любого музыкального музея. Но что с архивом, кто о нем заботится, помимо семьи, когда и как он станет достоянием культуры в целом? Хорошо, когда есть наследники, берущие на себя эту заботу, которую по идее должны брать на себя комиссии по творческому наследию, творческие союзы, общественные и государственные организации. А если нет, так сказать, «кровно» заинтересованных? Ведь память — это не только дань прошлому, она и мощный стимул в формировании Будущего. Целенаправленная работа в этом направлении способствует гармоничному развитию, воспитанию молодых поколений.

У нас в Азербайджане все или почти все пишут стихи. Не знаю, хорошо ли это, плохо ли, но это так. Пишут сотрудники ГАИ и ОБХСС, научные работники и секретари райкомов. Плохо то, что повальное увлечение литературным отвлечением молодых людей от многих насущно необходимых обществу профессий. В том числе и от точных наук, инженерных, технических профессий. Как ни странно, одна из причин (хотя не единственная) — заманчивая популярность служителей муз. Посредственного поэта знает вся республика, ученый с мировым именем может остаться известным лишь узкому кругу специалистов. Речь не о соперничестве в популярности. Но все же...

Работал в Шемахинской астрофизической обсерватории скромный сотрудник Надир Ибрагимов. В звездные ночи наблюдал небо и однажды открыл кратер на Марсе. Написал об этом. Публикация не стала сенсацией. Сенсация пришла позже. «Маринер», пройдя рядом с Марсом, подтвердил открытие Ибрагимова. Международный совет астрономов назвал кратер на Марсе именем азербайджанского ученого. В это время Ибрагимов уже не было в живых. Он умер от сердечной болезни, не дожив и до пятидесяти лет... Но кто знает о его открытии, кроме узкого круга специалистов? Было, правда, сообщение в газетах, телепередача. И все. Ни буклета, ни брошюры... В обсерватории, где он сделал свое открытие, нет ни мемориальной доски, ни каких-либо других свидетельств этого блестящего научного достижения. Да и само достижение было признано таковым лишь после свидетельства «Маринера». Впрочем, никакие посмертные почести самому Ибрагимову уже не нужны. Да и кратер Ибрагимова на Марсе, соседствующий с кратерами Галилея и Ломоносова, достаточно высокая мера всемирного научного признания. Но это нужно другим, это необходимо тысячам юношей и девушек, которые, быть может, узнав о громкой победе скромного ученого, призадумаются над истинными и эфемерными критериями успеха в жизни. И, возможно, кому-то это поможет сделать выбор.

Эгоизм и гипертрофированное представление о собственной личности, которая видится в самом центре мироздания, губительны для художника. Если один самоутверждается, кичась авторитетом в «высоких сферах», то для другого самоутверждение в ином: в том, что «высокие сферы» якобы только тем и заняты, как бы ущемить его, не подпустить к дележу славы и почта. По сути, это две стороны одной медали — непомерно преувеличенного представления о собственной персоне. Ведь комплекс превосходства — прямое порождение комплекса неполноценности. Конечно, несправедливо, что порой отмечались, поощрялись не истинные достоинства произведения, а по сути настырность их авторов. Но и озабоченность «неотмеченных» по поводу столь зыбких признаков признания, право же, и смешна, и подозрительна.

На всесоюзных съездах кинематографистов и писателей с некоторой горечью думалось и о положении в литературе, в кино Азербайджана. Если на всесоюзной арене голоса наших писателей, кинематографистов звучат еще недостаточно сильно, то это прежде всего, конечно, наша вина. Не смогли художественно убедительно откликнуться на зов Времени, активно включиться в общий процесс художественного осмысления эпохи, ее проблем, ее сути. Искренне принимая мысль о том, что критику надо начинать с самого себя, я не отказываюсь от своей доли вины. Думаю, что и мои сверстники, а также те, кто постарше или помоложе, трезво, нелицеприятно относятся к своей работе. Но, кроме личной вины каждого, есть и коллективная вина наших республиканских творческих союзов: часто на щит поднимались произведения, явно не заслуживавшие этого. Выдвинутые на всесоюзную арену, они создавали превратное представление о художественном уровне литературы и искусства республики в целом. По этой же причине оставались в тени произведения действительно интересные. Чтобы не быть голословным, приведу в пример страстную повесть молодого писателя Мовлуда Сулейманлы «Мельница», раскритикованную в свое время за «сущие краски» в изображении последствий пьянства и алкоголизма, яркую живопись художника Джавада Мир Джавадова, высоко оцененную таким знатоком мирового искусства, как покойный Алпатов (64-летний Дж. Мир Джавадов до сих пор ни разу не имел персональной выставки), новаторскую музыку Вагифа Мустафазаде, признанную ныне далеко за пределами нашей страны (Вагиф Мустафазаде не удостоился при жизни быть даже принятым в члены Союза композиторов).

Все это, но, разумеется, далеко не только это, — наше культурное богатство, и необходимо, чтобы лучшее в азербайджанской литературе и искусстве стало достоянием всей нашей многонациональной страны.

Наряду с собственной частью вины не хочу скрывать и вину ряда столичных инстанций, не всегда трезво и компетентно оценивающих художественные явления в национальных культурах. То они проявляли необязательную щедрость и возносили до небес заурядное произведение национального автора, то одной размашистой фразой не очень разборчивого в средствах критика клеймили произведение, заслуживающее куда более профессионального, вдумчивого и объективного разбора. С другой стороны, ни в чем не уступающая пьесе московского или ленинградского драматурга пьеса республиканского автора во много раз труднее пробивается на столичную сцену, на страницы солидного издания. При бывшем руководстве Гостелерадио объединение «Экран» не только дотошно контролировало тематику республиканских киностудий в соответствии с сугубо субъективными соображениями, но нередко навязывало местным студиям «свои» темы, да и «своих» авторов или соавторов, сорежиссеров, знакомящихся с жизнью республики после подписания договора в недолгий срок командировочного пребывания. Вряд ли такая практика содействовала развитию творческого потенциала художников Азербайджана.

Не традиционные перечисления в обиход нужны деятелям искусства, не сладкоголосая хвала, не снисходительная оценка, а объективный, трезвый анализ их работы, если, конечно, эта работа заслуживает серьезного разговора. БАКУ.